

Книги

ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ. Утверждение евразийцев, кн. VII, 1931.

Последний евразийский сборник открывается статьей П. Н. Савицкого: «В борьбе за евразийство». Статья имеет целью подвести итоги «полемики вокруг евразийства в 20-х годах». Автор прав, указывая на неосновательность многих критических нападок на евразийство, как научное направление. Все же статья его в некотором отношении — ошибка. Евразийство отпугивало и отталкивало прежде всего своими двумя чертами: учением о «справящем отборе» и отождествлением «русскости» (евразийское слово) с абсолютной Истиной. Позитивно-научная база, которую евразийство подводило под свою идеологию и программу, бралась под подозрение именно поэтому. В самых научно ценных утверждениях евразийцев критики чуяли заднюю мысль и допустили немало несправедливостей. Но поскольку удары направлялись на эту заднюю мысль, критики были правы. Теперь, насколько можно судить по содержанию сборника, интерес евразийцев все больше направляется от идеологии к научному ее обоснованию. Как раз в этой области — сила евразийства. Мне уже нередко приходилось высказываться о значении

евразийской теории «мѣсторазвитія». Строго говоря, только с усвоения этой идеи, впервые приложенной гениальным Мишле к истории Франции, история становится конкретной наукой. В России у евразийцев был только один предшественник, Шапов,¹⁾ которому, однако, недостаток дисциплины, в первоначальном и в общепринятом значении этого слова, помешал стать русским Силли. В стремлении представить русский культурно-исторический процесс, как функцию мѣсторазвитія, заслуга опытов обзора русской истории, принадлежащих Г. В. Вернадскому. В последнем евразийском сборнике, в статье П. В. Логовинова («Научные задачи евразийства») намечается программа работ по изслѣдованию России с этой точки зрения. Очень ценна статья П. Н. Савицкого «Главы из Очерка Географии России», дающая общую характеристику русской экспансии и устанавливающая ее ритмику. Замѣчу кстати, что геополитическая и историко-географическая идея Савицкого нашли себя недавно разительное, хотя и косвенное, подтверждение в работѣ Р. О. Якобсона, высказавшаго на-

1) на значение Шапова в этом отношении я указал в моей статьѣ «Geopolitical conditions of the evolution of russian nationality», в *The Journal of Modern History*, 1930, т. II.

личность одного весьма существенного языкового признака, общего всем языкам «евразийской» группы и только этим языкам, — признака, который автор считает вторичным, приобретенным, результатом языкового взаимодействия в предѣлах «евразийского» мира; причем замѣчательно, что границы распространения этого признака почти всецѣло совпадают с географическими границами Евразии, установленными Савицким еще тогда, когда изслѣдованія Якобсона ему не были извѣстны. 2)

Не раз, по поводу научных взглядов «евразійцев», высказывались мнѣнія, что никаких открытій евразійцы не дѣлают, что они выдают за новые факты всем давно извѣстные. Техника исторической науки приучила историков придавать особое значеніе тому, что вычитывается из «документов». Если мѣрять этой мѣркой, то выйдет, что и Сиань не произвел никакого переворота в англійской исторической наукѣ, ибо о дѣятельности Клайва и Гастингса англичане знали и до него. Увидѣть по новому значеніе всем извѣстных фактов и их соотношеніе — это тоже открытіе и иной раз болѣе существенное, нежели открытіе новых архивных данных. В каждой новой научной концепціи есть еще одна сторона, всегда положительная, хотя бы даже новая концепція была ложной: она приучает увлеченных ею вообще ви-

дѣть вещи по новому.

Ничего специфически евразійскаго нѣтъ в двух остроумнѣйших статьях В. Н. Ильина, посвященных идеологіи марксизма: «Эйдократическое преображеніе науки» и «Под знаком діалектики». В первой автор изслѣдует природу марксизма, как идеи-силы, с большой глубиной вскрывая различіе между двумя категоріями идей: идеями-силами и «чистыми» идеями, лишенными дѣйственности продуктами теоретизированія, и убѣдительно показывает, что побѣда марксизма была обусловлена именно тѣм, что из всех послѣдствій кантовских идеологій, марксистская оказалась единственной, способной оформиться в мѣю — пусть внутренне порочный. Замѣчательны вообще соображенія автора о значеніи мѣю (они не так уж новы, восходят еще к Вико, но современные «scientistes» обычно относятся к мѣю с пренебреженіем). Во второй статьѣ исключительно цѣнна мысль, что марксизм с его теоріей концентраціи капитала и «Verelendung» есть продукт не капиталистическо-машиннаго режима вообще, а свойственной этому режиму в данное время техники паровых двигателей, и что происходящая нынѣ революція техники — переход к децентрализованному типу двигателя — должна перестроить все будущее хозяйство и вмѣстѣ с тѣм положить конец всей теоріи марксизма. Нельзя, однако, не сдѣлать одного замѣчанія. Утверждая, что в новой эпохѣ, в которой «предвидится ограниченіе и, может быть, исчезновеніе вращенія, вала и трансмиссіи» и что

2) См. P. Savitsky, L'Eurasie relevée par la linguistique, в Le Monde Slave, 1931, I и там же: R. O. Jakobson, Les Unions phonologiques de langues.

вмѣстѣ с этим и, очевидно, по его мысли, в связи с этим, «вновь намѣчается господство религии и этики над социологией, автор сам впадает в марксистскую ересь о приматѣ бытія над сознанием. Не есть ли это плод евразійскаго умонастроения? У евразійства с марксизмом есть нѣчто общее: вѣра в безусловную зависимость культуры от «мѣсторазвитія» — не есть ли это по существу «историческій материализм»?

Отчасти по недостатку мѣста, отчасти по некомпетентности, я не могу коснуться других статей сборника. Моя цѣль была на нѣскольких примѣрах показать, в каком направленіи движется евразійство, и насколько и чѣм оно содѣйствует обогащенію и обновленію научной мысли вообще.³⁾

П. Биццлли.

André SIEGFRIED. La crise Britannique au XX siècle. Ed. Colin. Paris. 1931.

Книга Зигфрида вышла как раз накануне финансоваго и политическаго кризиса 1931 года. Читатель не найдет в ней объясненія

³⁾ Дополню изложеніе еще одним примѣром — превосходной статьи П. Н. Савицкаго, «Литература факта в Слово о долгу Игоревѣ» (Прага, 1930), соприкасающейся с историко-географическими изслѣдованіями автора, в которой он вскрыл цѣлый ряд замѣчательно точных географических указаній в описаніях природы, разсѣянных в Слово, и тѣм самым установил новыя точки зрѣнія для эстетической оцѣнки этого памятника.

последних событій, но он найдет ключ к ним: необходимыя экономическія прогномы к политическому и финансовому кризису.

Зигфрид умный и талантливый наблюдатель, книга котораго о французских партиях имѣла недавно большой и заслуженный успѣх. Долголѣтняя жизнь в Англии и вмѣстѣ с тѣм свобода от англійских традицій и предубѣжденій дѣлает автора особенно компетентным діагностом англійской болѣзни.

Ничего не преувеличивая, спокойный и скорѣе сочувственный аналитик слѣдит за пониженіем кривой англійской индустрии, англійской торговли и ростом безработицы. За цифрами встают грозные факты технической сталости и слабой организованности англійской промышленности, даже по сравненію с послѣвоенной Франціей. Капиталы не приливают в индустрію и предпочитают искать помѣщенія за границей, создавая конкурентов своей странѣ. Презрѣніе к конкуренціи, нежеланіе бороться за рынок современными способами приспособленія и рекламы, пониженіе рабочей энергии (даже числа рабочих часов) в предпринимательском классѣ рисуют аристократическое перерожденіе старой буржуазной Англии. Сокращеніе эмиграціи, нежеланіе безработных искать счастья в колоніях, нѣкогда освоенных трудом их безработных предков, предпочтеніе обезпеченной бѣдности борьбѣ и риску, дополняют картину этого паденія англійской духа экспансіи — в рабочем классѣ.